

ДВА АКТЕРА

М. ЗАГОРСКИЙ

I.

У МИХОЭЛСА Соломона Михайловича и Зускина Вениамина Львовича одна и та же биография и одна и та же судьба.

Как «человеки» оба они пасынки б. Российской империи, люди без прав и будущности, запертые в «черту еврейской оседлости» и обреченные — один в Поневеже, другой в Двиниче — торговать «воздухом» или делать «кирсеру» в аптеке. Как актеры оба они дети Октябрьской революции, впервые созданный постоянный, а не бродячий Еврейский театр, актеры которого были избавлены от погоня за куском хлеба.

С. Михоэлс вступил в «еврейскую студию» в 1919 г. В. Зускин — в 1921 г. До этого они ни разу не выступали на профессиональных подмостках. Оба они еще в детстве потянулись к театру, и первыми учителями их и воспитателями были те еврейские «пурим-шпильеры», которые переходили из дома в дом и во всю оставляли слезы, вздохи и улыбки наивного и простодушного народного театра бродячих комедиантов, из «ничего» творивших мир легенд и фантазий.

И у обоих первейшим и любимейшим драматургом был не Шекспир или Мольер, а дедушка Авраам Гольдфаден, театр которого — и в особенности «Колдунья» — был откровенным для детских душ. Думали ли тогда оба мальчика, что именно в этой самой «Колдунье» им придется играть в далекой Москве, в великоленном театре?

Едва ли. Но известно другое — обоим им Октябрь дал жизнь, творчество, искусство огромных масштабов. Вот отчего они не только еврейские, но и советские актеры в подлинном смысле этого слова. И до них были талантливые артисты еврейской сцены — Финзон, Эдельман, Каминская и др., но только с них начинается национальный еврейский театр мирового значения, своеобразия которого не в том, что он говорит на еврейском языке, а в том, что он по-своему, отлично от других, выражает и оформляет смысл и дух той великой эпохи, в которой он родился и вырос.

II.

И Михоэлс и Зускин почти всегда играют рядом, в-одном и том же спектакле, в одной и той же манере, стиле, манере — подчас их можно назвать близнецами. И все же талант их различен, и у каждого из них есть свое лицо, свой «звук», свое «дыхание». Михоэлс как актер более мужественен, острее, прощичнее и, так сказать, «философичнее», чем Зускин, театральная муза которого тиха, лирична и добра.

И не случайно в «Десятой заповеди» Михоэлс играл «злого ангела», Мефистофеля, а Зускин — «добраго ангела», этакого простодушного Серафима, с наивными и подслеповатыми глазами «небожителя». И в «Лире», в котором талант обоих актеров расцвел ярко и в полной мере, не потому Михоэлс играет Лира, а Зускин — шута, что так пожелал

С. Радлов, а потому, что иначе и не могло быть: такого Лира мог сыграть только Михоэлс и такого шута — только Зускин.

Михоэлс когда-то в «Ночи на старом рынке» великолепно сыграл шута, просто надевающегося над старым миром. Кто не помнит этого страдающего скомороха, как нирх, проносящегося в этом трагическом карнавале? Но этот шут далек от того шута, которого Шекспир пожелал ввести в «Лира» — такого необычного даже для шекспировских шутов — и которого в его театре играл актер, игравший одновременно Корделию (в пьесе они не встречаются друг с другом).

Вот отчего шут Зускина в «Лире» так необычайно мягок, скорбен, тих, он как бы является тенью отсутствующей Корделии, его сердце преспокойно сие, его мысли только о ней; это — брат и сестра, и через Корделию Лир одновременно теряет своего шута — часть самого себя.

Так сыграть такую трудную роль, так тонко почувствовать замысел Шекспира и художественно рельефно воплотить его мог только актер огромного дарования, по праву стоящий рядом с Михоэлсом на еврейской сцене.

III.

Победа Михоэлса в «Лире» была подготовлена прежде всего его опытом в «Уризле Акосте» и ряде других трагедий: «Вот месия», «Колдунья», «Ночи на старом рынке», в которых Михоэлс порадовал зрителей необычайным для русских актеров патетикой, пропагандистской тона и масштакностью роли бурлящими эмоциями, в соединении с очень подчеркнутой театральностью формы. И за всем этим светилась мысль, идея, тот основной каркас образа, тот «клубок», в котором он создан композитором-драматургом. Эту необычай-

ную музыкальную пластичность, гармоничность и выразительность образа Михоэлс добывал приемами народного синтетического искусства, в котором слово, танец, песенка слиты в целостное, неразделимое единство. Вот отчего даже своего Лира Михоэлс заставляет пропеть и охотничью мелодию и предсмертную, замирающую на губах грустную песенку о своей судьбе. В его Лире все грани мастерства Михоэлса засверкали необычайно еще потому, что до сих пор его соавторами на сцене все же были не Мольеры, Шекспир, Гольдони, Расин и Корнели, а только Шолом-Апиш, Шолом-Алейхем и Перецы, никогда не бывшие не только классиками, но даже мастерами театра. Шекспир в «Лире» дал Михоэлсу так же, как Зускину, крылья, полет, глубину и широту огромных пространств, ту сложность и многопланность подлинного искусства, ту «трудность», в преодолении которой только и может определиться и зацвести дарование большого актера.

Когда-то — как быстро мчится время, а ведь это было совсем недавно — один из талантливейших русских театральных критиков, поившийся «без руля и ветрил» по буфаторскому морю российского театра А. Р. Кутель, спрашивал Государственный еврейский театр: «Куда, зачем? Для чего?».

Похлопывая по плечу «даровитого актера этого театра Михоэлса», он укоризненно качал головой и отгонял его и других от овладения всеми вершинами искусства театра. «Самая техническая беспомощность прежнего еврейского театра заключалась в себе нечто трогательное», — писал он.

Актеры и работники Еврейского театра отвергли эти советы буржуазного искусствоведа и доказали, что особенности национального еврей-

ского театра не в его примитивизме и «беспомощности», а в том, что от свое наследство — народный театр — обогащает и приумножает всеми достижениями и эмоциями строящейся социалистической культуры. Этот своеобразный сплав и есть существо ГОЕФТА, его право на жизнь.

Вот почему так радостно, что победа Михоэлса и Зускина в «Лире»

Артист МИХОЭЛС в роли короля Лира.

Артист ЗУСКИН в роли шута.

совпала с праздником всего Еврейского театра в целом. Свою годовщину он отмечает в той братской семье московских театров, высокой культурой и художественной полнотой которых Советский союз вправе гордиться перед всем миром.